

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. V

I. Зодчий

Акад. А. И. Соболевский предполагал, что слово *зодчий* вошло в русский литературный язык в период второго югославянского влияния, т. е. не ранее конца XIV—начала XV в. Это слово родственно словам *здание, здати, созидати, создатель, зиждитель* (ср. *зиждется*) и т. п. По мнению А. И. Соболевского, в русском языке оно должно бы звучать *зедчий*, если бы русские книжники не прочитали югославянского *ѣ* после *з* как *о*¹, т. е. если бы югославянское написание этого слова как *зѣдчий* не повлияло бы и на его русское произношение. Таким образом, слово *зодчий* проникло в русский литературный язык чисто книжным путем в период «второго южнославянского влияния».

Акад. А. Х. Востоков в «Церковно-славянском словаре» приводит слово *зѣдчий* в значении «мастер, строитель, владетель» («Зѣдчий. — τέκτων, faber Pat., κτήτωρ, possessor. Dial. male»)².

Кроме того, Востоков отмечает слова *зѣдечий* и *зѣдичий* из сочинений Ефрема Сирина по списку XIV в.: писецъ ли еси, помяни *зѣдечья* и камене дѣлающихъ (κλειστάς καὶ λεπτοῦργους). Востоков предполагает здесь значение «горшечник» (ср. *здарь* «гончар, лепящий из глины, κεραμεύς, figulus». Ant.). (Ср. *зѣчь* «глина», *зѣбный* «глиняный»)³.

Слово *зѣдчий* исследователями старославянского языка (А. Мейе, Р. Ф. Брандтом) признается образованием, относящемся к более поздней эпохе жизни древнеславянского языка (сложенным по образцу *кравчий, ловчий* и т. п.)⁴.

Зодчий в ц.-слав. *зѣдчий* «aedificator», «possessor», д.-серб. *зѣдць* «faber» (Дан.); ново-серб. *зидар* «faber murarius» (Вук.),

¹ Рец. на кн.: С. К. Бул и ч. Церковно-славянские элементы в русском литературном и народном языке. — ЖМНП, 1899.

² А. Х. Востоков. Церковно-славянский словарь. Материалы для словаря и грамматики. Приложение к VI т. ИОРЯС, 1857, стр. 287.

³ Срезневский I, стб. 1009.

⁴ См.: Преображенский I, стр. 247. Ср. у Герцена в «Записках одного молодого человека»: В Греции все было так проникнуто изящным, что самые великие люди ее похожи на художественные произведения. Не напоминают ли они собою, например, светлый мир греческого *зодчества*?

хорв. *zidar, zidarc, zidatej* 'structor' (Стул.); чеш. *zednik* 'Maurer' (Ранк.)⁵.

К. Педерсен приводил русск. *зодчий* в числе примеров изменения *ь* в *ъ* между согласными в старославянском языке⁶.

Акад. Ф. Ф. Фортунатов, считая это слово заимствованным из церковнославянского языка с *о* из *ъ*, так объяснял звуковую форму этого слова: «Ст.-слав. *зьдъчии* (не встречающееся в старых памятниках) фонетически не должно бы было получить *ъ* из *ь* в первом слоге (гласная *ь* имела здесь по положению большее количество, при котором *ь* не подвергалась изменению в *ъ* даже и перед твердым слогом), но под влиянием *зьдъ* при *зьдъ* 'глина', 'стена' и при *зьдъчии* или *зьдчии* (с утратой второго *ь*) явилось *зьдчии*; в *зьдъ* при *зьдъ* гласная *ъ* перенесена была некогда из других падежей, где, например, в род. пад. *зьда*, она образовалась фонетически из *ь* „меньшего количества“ в то же время, когда *зьдъти* перешло в *зьдати* (а *ъ* во всех древних памятниках), так что *зьдъ* из *зьдъ* является однородным с *сждобъ* в Синайской псалтыри под влиянием *ъ* из *ь* в *сждъба* и т. д.»⁷.

У Кариона Истомина в «Орации при поднесении царице Софии Алексеевне книги блаженного Августина „Боговидная любовь“» слово *зодчество* употреблено в переносном метафорическом смысле: Паче елея (?) жаждущаго источников воды, жаждеми ты Господня на таковое пречастийшаго художества *зодчество* чистых мыслей, блаженных разумений и чистых словес⁸.

В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка», в котором обычно указывается, когда впервые то или иное слово фиксируется лексикографическими источниками, для слова *зодчий* в качестве такого первоисточника отмечен «Лексикон трехязычный» Федора Поликарпова (1704), для *зодческий* — «Словарь Академии Российской» (1792), для *зодчество* — Дополн. к «Церковному словарю прот. П. Алексеева» (1776)⁹. Все эти сведения являются очень запоздалыми, так как слово *зодчий* зарегистрировано в русских текстах с конца XIV—начала XV в.

Слово *зодчий* в русском литературном языке XVIII в. считалось принадлежностью высокого стиля. Так, Г. Р. Державин посвятил свое стихотворение «Зодчему Тончию»¹⁰.

⁵ А. С. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и данным лексикальным, II, 1. Киев. 1878—1882, стр. 103.

⁶ KZ XXXVIII, 1902—1903, стр. 322.

⁷ Ф. Ф. Фортунатов. Старославянское *тъ* в 3 лице глаголов. — ИОРЯС XIII, 2, 1908, стр. 5.

⁸ С. Н. Браиловский. Один из пестрых XVII Столетия. СПб., 1902. Приложения, стр. 475.

⁹ «Словарь современного русского литературного языка» IV. М.—Л., 1955, стр. 1309—1310.

¹⁰ «Сочинения Г. Р. Державина» IX. СПб., 1883. Словарь, стр. 379.

Ср. также: Там *зодчий* зиждет храм молитвы (Конч. благ. 704, 4);

Здесь тонут зиждущих плотину
Работников и *зодчих* тьма (II, 160, 8).

Но в карамзинской школе оно было признано архаическим славянизмом. А. С. Шишков защищал его в своем «Рассуждении о старом и новом слоге», объединив с такой группой устарелых славянизмов: «Как могут обветшать прекрасные и многозначачие слова, таковые, например, как: *дебелый, доблеть, присно*, и от них происходящие: *одебелеть, доблий, приснопамятный, приснотекущий* и тому подобные? Должны ли слуху нашему быть дики прямые и коренные наши названия, таковые, как: *любомудрие, умоделие, зодчество, багряница, вожделение, велелепие* и проч?»¹¹.

«Вот беда для нынешних писателей, когда кто в писаниях своих употребляет слова *брашно, требище, рясна, зодчество, доблеть, прозябать, наитствовать* и тому подобные, которых они сроду не слыхивали, и потому о таком писателе с гордым презрением говорят: „Он педант, провонял славянщиною и не знает французского в штиле элеганту“»¹².

Характерно, что в «Словаре церковно-славянского и русского языка» слово *зодчий* объявляется старинным: «*Зодчий, я, и аго*, с. м. Стар. Знающий науку зодчества, архитектуру; архитектор»¹³. Правда, при словах *зодчество* и *зодческий* этой пометы нет: «*Зодчество, а. Наука располагать, строить здания; архитектура. Искусен в зодчестве. Зодческий, ая, ое* прил. Относящийся к зодчеству. Зодческое искусство»¹⁴.

Слово *зодчества*, по словам Шихкова, «так же редко в простых разговорах употреблялось, как слова *угобзится, непицевать, доблеть, прозябать, светалоносный* и другие подобные. Оно известно токмо тем, которые прилежно в языке своем упражняются»¹⁵.

А. С. Шишков свидетельствует, что в разговорном языке конца XVIII—начала XIX в. было в ходу слово *архитектор*, слово же *зодчий* многим образованным людям казалось странным и непонятным: «Слово *зодчий*, — писал Шишков, — есть настоящее русское, происходящее от глагола *созидать*; но ежели бы кто в разговорах сказал: *я нанял зодчего строить дом*, то верно бы многие нашлись у нас такие, которые бы спросили: ково он нанял?»

¹¹ А. С. Ш и ш к о в. Рассуждение о старом и новом слоге. СПб., 1813, стр. 47.

¹² Там же, стр. 28.

¹³ «Словарь церковно-славянского и русского языка», составленный вторым отделением имп. Академий наук, II. Изд. 2. СПб., 1867—1868, стр. 194.

¹⁴ Там же.

¹⁵ А. С. Ш и ш к о в. Указ. соч., стр. 295.

а другие бы с насмешкою сказали: он говорит странным языком! И так разговаривая с русскими и по-русски, надлежит непременно употреблять иностранные слова: Я нанял архитектора строить дом»¹⁶.

В 20—40-е годы XIX в. слово *зодчество* входит в широкий литературный оборот.

В «Дневнике» А. И. Герцена (под. 8 янв. 1843 г.): Можно ждать еще развития византийского *зодчества*, а уже готического нельзя.

У Аполлона Григорьева в «Дружеской песне» (1845 г.):

Отложив земли печали,
Возлетимте к светлой дали:
Буди вечен наш союз!
Слава, честь и поклоненье
В горних *зодчему* творенья,
Нас сотворшему для дел. . .

У А. Г. Венецианова в письме Милюковым (19 дек. 1837 г.): Дворец горит, за век невредимо простоявший и бывший памятником того духа *зодчества*¹⁷.

В «Воспоминаниях» Е. М. Феоктистова (1887—1896): Можно очень верно судить о положении дел и оказаться не совсем искусным *зодчим*, когда самому приходится воздвигать здание на месте признанного негодным¹⁸.

У Н. И. Пирогова в «Дневнике старого врача»: Цель и мысль пойманные, так сказать, в сеть материала, — на полотно в красках живописца, в мрамор *зодчего*, на бумагу в условные знаки и слова поэта, — живут потом целые века своею жизнью, заставляя и полотно, и мрамор, и бумагу сообщать из рода в род содержимое в них творчество¹⁹.

II. Поползновение

В современном русском языке небольшая группа книжных имен существительных на *-новение* с глагольной основой, обозначающих действие или состояние, стремление, является морфологически, стилистически и семантически разобщенной, разведенной (ср. *проник-новение*, *возник-новение*, *исчез-новение*, *иссяк-новение*, *усек-новение*, *отдох-новение*, *претк-новение*, *отдох-новение*

¹⁶ А. С. Шишков. Указ. соч., стр. 303.

¹⁷ «А. Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников». М.—Л., «Academia», 1931, стр. 179.

¹⁸ Е. М. Феоктистов. Воспоминания (1887—1896). Л., 1929, стр. 249—250.

¹⁹ «Сочинения Н. И. Пирогова» II. Киев, 1910, стр. 18.

и вдохнов-ение, пополз-новение, столк-новение, прикос-новение, дерз-новение, ср. дерзать, дерзнуть. Ср. мгновен-ие, ср. миг; манов-ение, но в «Полтаве» Пушкина:

И резким манием руки
На русских двинул он полки.

Ср. образование иной категории: *омовение, откровение*. Большая часть этих слов — древние славянизмы. Лишь единичные из них подверглись резкой экспрессивной деформации. Таково слово *пополз-новение*.

Слово *поползновение* в современном языке воспринимается как книжное. Оно имеет яркую ироническую окраску и служит, по большей части, средством отрицательной характеристики какого-нибудь нескромного желания, упорного, но скрытого намерения. Значение этого слова в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова определяется так: «Не вполне определившееся или скрываемое намерение, желание: У него было *поползновение* уехать, не сказав никому»²⁰. Кроме того, здесь же отмечается смысловой оттенок: «Желание показать что-нибудь, претензия: Он был одет . . . с некоторой изысканностью и с *поползновением* на солидность и собственное достоинство (Достоевский)». Однако нетрудно убедиться в том, что это толкование не вполне точно. Оно воспроизводит частные смысловые нюансы словоупотребления, порождаемые тем или иным индивидуальным окружением, контекстом. Правильнее было бы определить *поползновение* на что-нибудь, к чему-нибудь или с инфинитивом как 'покушение на что-нибудь, недостаточно определенное или недостаточно обоснованное притязание на что-нибудь, стремление к чему-нибудь внутренне желаемому, но трудно достижимому'. Оно представляет собою отвлеченное образование от глагола *поползнуть* или *поползнуться*. Действительно, в языке древнерусской письменности отмечены глаголы: *попѣлзтисѧ*—*поползтисѧ* со значениями: 1) 'поползти, соскользнуть, совратиться' (в Изборнике 1073 г.: *попѣлзшошасѧ* на нечьстие); 2) 'впасть в ошибку, в грех, погрешить' (в «Повести временных лет»: Соломонъ . . . бы мдръ, но наконецъ *поползесѧ*. 6494 г.); однократные формы *попѣлзнути*—*поползнути* 'поскользнуться, впасть в заблуждение, в ошибку' (в «Пчеле»: Горьчае языкомъ *пополѣзнути*, нежели ногами); *попѣлзнутисѧ*—*поползнутисѧ* 'поскользнуться; совратиться, впасть в ошибку' (в Хронике Георг. Амартола по Уваров. сп.: Конь же по моему камену *пополѣзнувѣсѧ*, на землю въсадника съверже; в «Пчеле»: мужъ клатволюбець *пополѣзнетѣсѧ* в безаконіе)²¹.

²⁰ Ушаков III, стр. 591.

²¹ Срезневский II, стб. 1201—1202.

От глагола *попълзтися* было образовано имя существительное *попълзение*, которое обозначало действие — соответственно значениям этого глагола: 'неверный шаг, ошибка; соблазн'. Понятно, что те же значения должно было выражать и слово *поползновение*, в котором лишь выступал оттенок однократности, резкого движения, свойственный глаголу *попълзнутися*.

Таким образом, перед нами — слово, восходящее к старославянской традиции в составе русского литературного языка (ср. в Изборнике 1073 г. 174: Жена очима *попълзение*, дшамъ пагоуба; в послании Никифора м. Влад. мон.: *измѣтъ нозѣ твои ѿ поползения* ²²).

В словарях Академии Российской и в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1867 г. указана и форма несовершенного вида к *поползнутися* — *поползаться* ²³, *поползатися*.

Объяснение этого «славянского» глагола в «Словаре Академии Российской» заслуживает упоминания. Здесь различаются два значения: 1) собственно: 'падать, поскользнуться'; 2) переносно: 'в искушение приходить, получать преклонность к какому-либо порочному делу': *Поползулся* на взятки ²⁴.

Таким образом, в основе слова *поползнуться* лежал образ сползания, соскользания, совращения с твердого и прямого пути. В церковно-культурном аспекте этот символ обозначал греховное искушение, соблазн, уклон к пороку.

Понятно, что при переходе этого слова в сферу делового языка это значение должно было приобрести более гражданский оттенок — 'покушение на что-нибудь порочное или предосудительное'. Это значение становится основным у слова *поползновение* в русском литературном языке еще до XVIII в.

В «Словаре Академии Российской» слово *поползновение* признано «славянским», т. е. относящимся к высокому стилю. Прямое его значение 'действие поскользнувшегося, падение' иллюстрируется лишь примером из псалтыри. Ср. у Державина: Ноги моей в *поползновенье* . . . Горел. 552, 2 ²⁵. Но это значение считалось главным образом принадлежностью церковнославянского языка. Второе же, переносное, значение сохраняло всю свою жизнеспособность: «Покушение к какому-либо порочному делу. Впасть в *поползновение*» (ср.: *Поползновенный* . . . удобопреклоняемый к чему-либо порочному, предосудительному) ²⁶.

У И. М. Долгорукого в «Капище моего сердца»: не могу себе представить, как мы решились так откровенно, нагло и без всяких предваряющих и обольстительных глаголов, обнюхаться и

²² Срезневский II, стб. 1201.

²³ «Словарь Академии Российской» IV. СПб., 1822, стр. 1525; «Словарь церковно-славянского и русского языка» II, 1867—1868, стр. 751.

²⁴ «Словарь Академии Российской» IV, 1822, стр. 1525.

²⁵ «Сочинения Г. Р. Державина» IX. Словарь, стр. 410.

²⁶ «Словарь Академии Российской» IV, 1822, стр. 1525.

тотчас пуститься в сладострастнейшие *поползновения* ²⁷. Ср. там же: В тайном *поползновении* сердца, кроме бога, испытующего наши совести, никакой мирской закон касаться нас не может и не должен (стр. 367).

Ср. у Пушкина в черновой редакции стих. «Французских рифмачей суровый судия»:

Постойте! Наперед узнайте, чем душа
У вас исполнена — прямым ли вдохновеньем
Иль необузданным одним *поползновеньем*,
И чешется у вас рука по пустякам,
И вам не верят в долг, а деньги нужны вам.

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» глагол *поползатися*—*поползнутися* объявлен церковным архаизмом. В слове же *поползновение*, оставленном безо всякой стилистической отметки, по-прежнему различаются два значения: 1) 'действие поползающего и поползнувшего; преткновение': Яко избавил еси душу мою от смерти . . . и нозѣ мои от *поползновения*. Псал. LV, 14; 2) 'покушение на что-либо предосудительное, или покровное' ²⁸.

Очевидно, только второе значение было живым в начале XIX в. Оно становится все более широким, облекаясь оттенками легкой иронии.

У В. Г. Белинского в письме В. П. Боткину (от 30 декабря 1839 г.): Я теперь в таком состоянии, что оскорбление духа грубым непониманием при *поползновении* резонерствовать о нем приводит меня в остервенение.

В письме тому же Боткину от 5 сентября 1840 г.: У меня у самого есть *поползновение* верить то тому, то другому, но нет сил верить, а хочется знать достоверно.

В связи с семантической эволюцией слова *поползновение* находится судьба слова *поползень*, которое выпало из литературного употребления еще в первой половине XIX в.

В «Словаре Академии Российской» слово *поползень* определяется так ²⁹:

- 1) 'ребенок ползущий и ходить еще не могущий';
- 2) 'птица'.

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» сюда присоединено еще «простонародное» значение 'пролаз, низкопоклонник, пронира': Видели мы довольно таких поползней ³⁰.

²⁷ И. М. Долгорукий. Капище моего сердца. — «Русский архив» XXVIII, 7. М., 1890, стр. 290.

²⁸ «Словарь церковно-славянского и русского языка» III, 1867—1868, стр. 751.

²⁹ «Словарь Академии Российской» IV, 1822, стр. 1525.

³⁰ «Словарь церковно-славянского и русского языка» III, 1867—1868, стр. 751.

Но слово *поползень* должно было исчезнуть из литературной речи и уступить место более экспрессивным и более употребительным синонимам — *проньра*, *пролаз*.

III. Стих нашел

Когда говорят о народной или простонародной, «фольклорной», русской лексике, то обычно имеют в виду прежде всего исконный славянский (праславянский или общевосточнославянский) морфологический инвентарь словаря. Такое ограничение материала отчасти оправдывается этимологической точкой зрения на состав лексики. Но было бы ошибочно отрицать глубокое проникновение в народную русскую стихию и в ее семантический строй лексических элементов, заимствованных русским языком извне. В некоторых пластах иноязычных заимствований вся семантическая структура обвеена русским народным духом, народным миропониманием, естественно, иногда отражающим духовную культуру далекого прошлого.

Уже давно было замечено: «То, что для теперешнего образованного человека является результатом поэтического творчества, может на иных ступенях развития являться путем простого наблюдения и сухой логической работы мыслительной способностью»³¹.

Это положение подтверждается историей выражения (*такой*) *стих нашел (на кого-нибудь)*.

Устойчивое фразеологическое сочетание: *стих (какой-нибудь) найдет, нашел на кого-нибудь* обозначает: 'охватило кого-нибудь, найдет на кого-нибудь странное, капризное и неожиданное настроение, причудливое, внезапное душевное состояние' (ср. *дурь найдет на кого-нибудь, столбняк найдет* и т. п.).

Ср. у Д. Фонвизина в «Бригадире»: Не гневайся, матушка, на своего супруга — на него сегодня худой *стих нашел*.

У Тургенева в рассказе «Конец Чертопханова»: И хоть бы слово кому промолвила — все только глазами поводила да задумывалась, да подрыгивала бровями . . . да руками перебирала, словно куталась. Этакий *стих* и прежде на нее *находил*³².

У Тургенева в «Фаусте»: Вдруг *найдет* на нее *стих* какой-то: ни читать не хочет, ни разговаривать, шьет в пальцах, возится с Наташей, с ключницей, в кухню вдруг сбегает, или просто сидит, поджав руки, и посматривает в окошко, а не то примется играть с няней в дурачки.

³¹ В. Ф. Воеводский. Этимологические и мифологические заметки. I. Чаши из человеческих черепов и тому подобные примеры утилизации трупа. — «Записки имп. Новороссийского университета» XIV, 1878, стр. 59.

³² М. Михельсон. Русская мысль и речь, II. СПб., 1914, стр. 317.

У Тургенева же в романе «Накануне»: . . . Иногда, совершенно неожиданно, проявлялось в ней непреодолимое желание чего-нибудь необыкновенного. . . *Находил* ли на нее этот *стих* зимой — она приказывала нанять две-три ложки рядом. . .

Несмотря на то, что употребление слова *стих* чаще всего в составе фразеологического сочетания *стих находит на кого-нибудь* было известно в русском литературном языке издавна — с XVII—XVIII вв., все же ни слово *стих* в этом значении, ни целостное выражение *стих находит на кого-нибудь* не были отмечены ни одним толковым словарем русского литературного языка до Даля. В словарях Академии Российской и в «Общем церковно-славяно-русском словаре» П. Соколова (1834) указываются два значения слова *стих*: «1) Сочетание слов, известным числом и родом стоп связанных. *Стих* — шестистопный, пятистопный. 2) Статья»³³. В академическом словаре 1847 г. отмечены тоже два значения, но в иной формулировке и с указанием на сферу стилистического применения второго из этих значений: «*Стих*, а, с. м. 1) В поэзии: известное соединение стоп. *Стихи* шестистопные, ямбические, хорейские. 2) Церк. Отдел слов, имеющих полный смысл; период. В первой главе Премудрости Соломона шестнадцать стихов»³⁴.

В «Толковом словаре» Даля объединены все эти лексикологические указания и присоединено к ним разговорно-фразеологическое сочетание: *стих находит, нашел на кого-нибудь*. Здесь под словом *стих* читаем:

«*Стих* м. — мерная строка; известное число стоп, соединенных в одну строку или составляющих отдельную часть размера. . . *Писать стихи, стихами, в стихах. Белые стихи*, без рифм. *Хорошенький стишек, стишки. И он кропает стишёнки. . . Семипяденные стишищи*. Црк. Отдел слов, имеющих полный смысл; период речи. *Несколько библейских стихов вместе составляют начало. В первой главе Премудрости Соломона 16 стихов.* || Народн. всякое изречение, отдельная мысль, полное выражение, статья, пословица. *Стих находит, нашел на него*, состояние, расположение. *На него такой стих находит*, охота, к чему, или внезапная блажь, странность, причуда; дурь. *Не добрый на него стих нашел.* || *Стих, стихер* народн. легенда; сказание, предание в стихах, иногда рифмованных, о предметах духовных, о вере, о чтимых святых. . . *Стих*, юж. зап. полоска плетеная, строка, дорожка в лаптях»³⁵.

В. И. Даль заимствовал народные значения слова *стих* из «Опыта областного словаря великорусского наречия» и «Допол-

³³ «Общий церковно-славяно-русский словарь», ч. 2. СПб., 1834, стр. 1379.

³⁴ «Словарь церковно-славянского и русского языка» IV, 1867—1868, стр. 474.

³⁵ Даль² IV, стр. 332—333.

нения» к нему. В «Опыте областного великорусского словаря» отмечено слово *стих* лишь в значении: «Изречение, отдельная мысль или выражение, статья. Новгород. Тихв.» (стр. 215).

В «Дополнении к опыту областного великорусского словаря» (1858) находим:

«*Стиховитый, ая, ое, пр. и стиховой, ая, ое, пр.* Иногда обнаруживающий капризный дух. Псков. тверск. осташк. . . . *Стих, а, с. м.* Каприз. псковск. тверск. осташк.

Стишь, и, с. ж. . . . 2) То же, что стих. псковск. тверск. осташк.» (стр. 255).

Итак, употребление слова *стих* в значении 'блажь, расположение духа, настроение' роднит литературный язык с областной народной речью. Во всяком случае, это употребление широко известно народному языку.

Совершенно ясно, что в толкованиях слова *стих* у Даля отразилось его архаическое и ограниченное понимание старорусской мифологии и древнерусского мифологического творчества (с точки зрения современной поэзии очень любопытно совпадение словесно-художественных установок В. И. Даля и А. Солженицына).

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова (1940, т. IV, 520) разговорное выражение *стих* в значении 'настроение (ср. *такой стих нашел*), душевное состояние' выделено в особое, самостоятельное слово. Это фразеологически замкнутое употребление слова *стих* здесь рассматривается как свободное, общее значение его, и без всякого основания в нем обособлено два оттенка. При этом все примеры, кроме одного, отражают лишь фразеологическое сочетание *стих находит, нашел*: «*Стих*, нескл., м. (разг.). Настроение, душевное состояние. Этаким *стих* и прежде на нее *находил*. Тургенев — Ласковый тон и тихий *стих* (у отца). Г. Успенский — Да добрый ли? Спросил я. — Как *стих найдет*. Некрасов. — На него сегодня худой *стих нашел*. Фонвизин — Блажь, дурь. Как *найдет* на него *стих*, — начинает буянить». Если оставить в стороне индивидуальное словоупотребление Глеба Успенского, то здесь всюду видно лишь одно фразеологически связанное употребление слова *стих* в выражении *стих находит, найдет, находил, нашел*. Как объяснить происхождение этого, очевидно, очень давнего выражения?

Ведь слово *стих* здесь, несомненно, восходит к греч. *στήχος* (*stichos*) и намекает на связь этого выражения с областью словесного творчества.

Е. Елеонская в статье «Заговор и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях» пишет: «В перечне заговоров, составленном дьяками, обращает на себя внимание то, как они именовали заговоры; эти названия неясны вследствие отсутствия точного содержания заговоров. Дьяки отмечают „заговорец“, „уговор“, „статью“, в просторечии встречается термин „*стих*“; какая раз-

ница, однако, в содержании или строении поименованных таким образом заговоров, решить трудно. Но заговорец ли, *стих*, статья — всякого названия заговор был ценным приобретением, и его брали, где могли, не пренебрегая знаниями прохожего и проезжего незнакомого человека»³⁸. Какой бы ни был заговор, его применяли как во спасение, так и на погибель. Губительный заговор (в том числе и стих) мог издалека наступать, находить свою жертву. Недаром, принимая присягу на верность, клялись еще в XVI в. «ведовством по ветру никакого лиха не насылати и следу не выимати» (ср. историю слов *напускать*, *напускной*).

В «Этимологическом словаре» русского языка А. Преображенского дается такая общая справка о выражении: «*На него такой стих находит, нашел* — внезапная охота к чему-либо, блажь, придирчивость и т. п. Это из значения — строка, линия, полоса» (т. II, 387). Очевидно, здесь применен своеобразный прием антиисторической ложной этимологии — по каламбурно-синонимическому признаку: такая полоса пришла, нашла; такая линия вышла, и т. п. Само собой разумеется, что все это имеет очень мало прямого отношения к историко-этимологической судьбе выражения *на него такой стих нашел, находит*. И связь образования этой формулы с мифологической атмосферой заговора или наговора выступает еще очевиднее.

IV. *Отпелый* (человек, дурак и т. п.)

Для семантической истории многих выражений очень важно определение социальной среды формирования их значений и путей их экспрессивно-смысловых странствований. Эту мысль особенно ярко и внушительно в XX в. защищал А. Мейе. Вот пример. Разговорное прилагательное *отпелый* в значении 'безнадежно-неисправимый, отъявленный', носящее яркую печать экспрессии осуждения, по своей этимологической природе прозрачно. Легко восстановить и внутреннюю форму современного качественного значения этого слова применительно к лицам. Она ярко видна в таком, например, прозвище одного из действующих лиц «Петербургских трущоб» Вс. Крестовского: Желтоволосый старичонко, с неподвижными рыбьими глазами, *отпелый*, да не похороненный, Пахом Борисович Пряхин. Очевидно, это переносное значение слова *отпелый* развилось из причастия *отпелый*, т. е. подвергшийся всем обрядам, совершаемым над умершим перед погребением, перед отправлением в могилу (*отпеть покойника*). Иными словами, 'такой, что люди его как бы отпели, совершили обряд отпевания', с отрицательной экспрессией — 'пропащий, вычеркнутый из списка достойных жизни людей'.

³⁸ «Русский Архив» L, 4, 1912, стр. 622.

Ср. у Островского в комедии «Живи не так, как хочется»: Прощай Груша! Со мной что-то недоброе делается, на твоей душе грех будет. Я голова *отпетая*, ты меня знаешь.

У Достоевского в «Дядюшкином сне»: Ну, что на меня глаза выпучил, *отпетый* дурак!

У Б. Маркевича в романе «Бездна»: Перед нами находился давно порешенный, давно *отпетый* человек³⁷.

Ср. тип *отпетого* в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского. Помяловский в очерке первом «Зимний вечер в бурсе» изображает *отпетого* в лице Гороблагодатского:

Он был *отпетый*.

Отпетый характеристичен и по внутреннему и по внешнему складу. Он ходит, заломив козырь на шапке, руки накрест, правым плечом вперед, с отважным перевалом с ноги на ногу; вся его фигура так и говорит: «хочешь, тресну в рожу? думаешь, не посмею!» — редко дает кому дорогу, обойдет начальника далеко, чтобы только избежать поклона. Гороблагодатский поддерживает самое неприличное дело, если оно относится ко вреду высших властей, *отмачивает* дикие штуки. Он ревнитель старины и преданий, стоит за свободу и вольность бурсака и, если нужно будет, не пощадит для этого священного дела ни репутации, ни титулки. Он основной столп товарищества. Бурсаки с такими доблестями обыкновенно звались *отпетыми*. Но *отпетые* были разного рода: одни из них назывались *благими*: это были дураковатые господа, но держащиеся тех же принципов; другие назывались *отчвалыми*: эти были вообще не глупы, но лентяи бесшабашные; Гороблагодатский же был *отпетый башка*: он шел в первых по учению и в последних по поведению. Башка и отчвалый умно гадили начальству, а благой глупо: например, вдруг захочет учителю в лицо и покажет ему кукиш; вздерут благого, а через несколько времени он опять выкинет какую-нибудь глупую дерзость. Но никто из *отпетых* так не солил начальству, как Гороблагодатский³⁸.

В очерке втором «Бурсацкие типы»: Сторож. . . крикнул вслед утекающей бурсы: «Сволочь *отпетая*! Всех вас перепороть следует (стр. 65).

В очерке «Женихи бурсы»: Но Аксютка, как *отпетая* личность, не обращает внимания на служительские власти. Он продолжает ломиться к Цепке в хлебную.

— Кто тут? — услышался голос Цепки.

— Это я, Цепя.

— Я тебе дам такого хлебца, что не съешь. . . прочь пошел! (стр. 136).

³⁷ М. И. М и х е л ь с о н. Русская мысль и речь, I. СПб., 1912, стр. 764.

³⁸ Полное собрание сочинений Н. Г. Помяловского, II, Изд. 2. СПб., 1868, стр. 14.

В отрывке «Андрей Федорович Чебанов»: Детский либерализм и преждевременная, ни к чему не ведущая дипломатика, привитая насильственно, была делом француза, действительно вряля *отпного*, всегда искусственно раздражавшегося своими фразами (стр. 283).

Это употребление и значение слова *отпный* еще не были отмечены в академическом словаре 1847 г. Очевидно, они вошли в норму русского литературного языка не ранее 40-х годов. Но где, в какой социальной среде они сложились? В среде духовенства, в бурсе, в кругу блатного мира? Неясно. Ведь отпевали всех, кого хоронили.

Но, по-видимому, была еще совсем иная экспрессивно-идеологическая линия развития и движения слова *отпный*, ярче всего выступающая в стилях публицистической окраски.

В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» почему-то слово *отпный* включается в такие фразовые контексты: *отпный вопрос*, *отпная старина* и т. п. — о чем-либо прошлом, невозвратном. Такое применение иллюстрируется двумя цитатами: «Таким образом прошло двадцать лет. В конце 1858 года *отпный* и похороненный вопрос воскрес с новой силой. (Писар. Подвиги европ. авторит.)»;

«Если и сохранилось что-нибудь от этой прежней, франтовой его жизни, то сохранилось. . . в виде какой-то пережитой, *отпной* старины, которую, увы, не воскресят никакие косметики. (Достоевский, „Дядюшкин сон“)»³⁹.

Ясно, что оттенок «невозвратимого», «далекого от живой общественной жизни» ведет совсем к другой экспрессивно-семантической атмосфере, чем та, которая характеризует образы «*отпной* головы», «*отпного* дурака» и т. п. Вместе с тем в публицистическом употреблении слова *отпный* более выпукло выступают его этимологические основы, его смысловые оттенки, намекающие на отношение к прошлому, уже потерявшему актуальное значение для современности.

V. *Хоть святых вон выноси*

Святые — это иконы в древнерусском обиходе (ср. *святцы*). Слово *святые* в значении 'образа, иконы' встречается еще в языке Пушкина. В «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»:

Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом

³⁹ «Словарь современного русского литературного языка» VIII. М.—Л., 1959, стр. 1519.

Лавки, покрытые ковром,
Под *святыми* стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой. . .

У Льва Толстого в народных рассказах («Солдаткино житье»): бабушка «обмыла мальчика, надела чистую рубашку, подпоясала и положила под *святые*»⁴⁰. Смысловая структура слова — *святые* ясна. Оно до сих пор употребительно в языке народной словесности и в областных говорах.

На этом фоне легко объясняется фразеологизм *хоть святым (вон) неси (выноси, уноси)* и т. п. В академическом словаре применение этого выражения характеризуется слишком широко: «о чем-либо непристойном, безобразном»⁴¹.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» Даля под словом *святой* есть такое сообщение: Такой содом, что *хоть святым вон неси*, образа, иконы. Наменял *святых*⁴². Здесь указывается общий смысл фразеологического оборота и намечается общий экспрессивный контекст его употребления.

Синтаксические контексты применения этого фразеологизма в общем однотипны:

Уж какую он в последнее время ахинею городил, так *хоть святым вон понеси* (Салтыков. Невинные рассказы, XII, 9);

Во хмелю Мирон бывал буен. Дело известное: трезвый ребенка не обидит, а напьется — *святых вон выноси* (Бунин. Веселый двор).

О поговорке *хоть святым вон уноси* как выражении почтения к иконам писал С. В. Максимов: «Во многих местах завешиваются иконы во время пиршеств, пляски и других развлечений; нельзя сидеть в шапке, свистать: все это большой грех. . . Говорят также *хоть святым вон выноси* про тех, которые врут не в меру, «и *святых выноси* и сам уходи» и про бестолковый гам и крик на миру в замену обычного «поднялся гомон». «Пусть св. иконы не видят греховных людских развлечений и не слышат свиста пустодома»⁴³. Все это очень широко и неопределенно, хотя и не противоречит смысловому существу поговорки. Суть ее в древнем культовом убеждении, что почтение к иконе должно оберегать ее от созерцания всего непристойного, греховного или присутствия при неприличных событиях.

---

⁴⁰ См. «Словарь современного русского литературного языка» XIII. М.—Л., 1962, стр. 469.

⁴¹ Там же.

⁴² Д а л ь³ IV, стр. 94.

⁴³ С. В. М а к с и м о в. Крылатые слова. СПб., 1899, стр. 443—494.